

КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ю. А. Белютина (Смоленск, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИСКУРСИВНОЙ СТРАТЕГИИ УГРОЗЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на примере художественных текстов)

Давно известно и научно обосновано, что при любом общении участники реализуют определенные внеречевые цели, детерминирующие их поведение, и, вместе с тем, подвергаются влиянию со стороны своих партнеров. Эта характеристика является имманентным свойством коммуникации как таковой [1]. Разные типы дискурса различаются по интенсивности оказываемого влияния, но воздействие всегда присутствует в общении – от разнообразных форм «ненасильственной» коммуникации (фатическое общение) до явного манипулирования общественным сознанием (идеологическая или иная пропаганда).

К коммуникативным стратегиям подчинения относится угроза, которую можно дефинировать как воздействие посредством запугивания, высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам [2, л. 114–115].

Исследования угрозы как акта коммуникации проводятся в рамках многих научных дисциплин: социологии, психологии, юриспруденции и др. В современной лингвистике эта проблема также получила подробное освещение, где угроза исследовалась как вид прямых и косвенных вербально-агрессивных актов, с точки зрения реализации коммуникативных стратегий и тактики лингвистической экспертизы текста (А. А. Арский, М. А. Осадчий, Е. Ю. Сидорова, Т. С. Шахматова). В самых ранних работах в области стратегий подчинения угроза сопоставляется с негативной (J. R. French, B. Raven) или «обратной» стимуляцией (G. Marwell, D. R. Schmitt), применением «санкций» как стимулов для подчинения (T. Parsons).

В обычной жизни угрозы встречаются повсеместно: там, где речь идет об ограничении поведения, где есть опасность затронуть чужие интересы и угрожать им. Если бесконфликтное общение не приносит плодов и не позволяет реализовать коммуникативные интенции, также есть вероятность, что говорящий обратится к негативным моделям вербального поведения. Ср.:

“<...> *Your life*, <...> *your life*, you may rely upon my word, *shall answer for your treachery*. <...> *repent, or you shall not quit this passage alive.*” “Do you menace me!” replied the brother, <...>. “<...> *Do you not know that every brother in the convent would rise to avenge it [my death]?*”/ ‘<...> Вы жизнью, <...> своей жизнью, помяните мое слово, ответите за предательство. <...> кайтесь, иначе вы не покинете это место живым.’ ‘«Вы что мне угрожаете?» – ответил монах <...>. «<...> Вы не знаете, что любой в монастыре восстанет, чтобы отомстить за мою смерть?»» [3, p. 264].

В примере угроза выступает как дополнительное средство достижения цели, используется наиболее опасный и жестокий вид запугивания – убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, применение насилия. Языковая экспликация запугивания сравнима с вербализацией обещания – утверждение будущего действия с отрицательными последствиями для адресата. Привлечение глагола *shall* в форме второго и третьего лица связано не с выражением будущности, а с передачей модальности угрозы. В таком контексте нейтральная, с точки зрения вербального воздействия, фразеологема *rely upon my word* ‘помяните мое слово’ приобретает дополнительную коннотацию.

Некоторые выражения угрозы представляют собой образные формулы, состоящие из диктума в неиндикативной форме (например, в конъюнктиве) с отрицательным значением: *I wish you at the bottom of the sea!* ‘Чтоб тебе пусто было!’ / ‘Чтоб тебе ни дна, ни покрывки!’; *The devil take you!* ‘Будь ты неладен!’; *May I never see your face again!* ‘Век бы тебя не видеть!’ и др., а также обозначения различных действий, предвещающих нечто плохое, неприятное, опасное для адресата: *I'll show you!* ‘Я тебе покажу!’; *I'll kill you!* ‘Я тебя убью!’ Отдельные способы вербализации угрозы обозначают гипотетические действия продуцента (*You'll pay for this!* ‘Вы за это заплатите!’; *You'll catch it! too же!* ‘Будет тебе на орехи!’) или имплицитное условие осуществления угрозы – действие адресата (*Only dare!* / *Don't you dare!* ‘Только посмей!’). Перечисленные модели относятся к косвенным речевым актам.

Многообразие способов вербализации и широкий диапазон функционирования угрозы позволяют типологизировать различные ее проявления в зависимости от степени эксплицитности воздействия на адресата и возможного причинения вреда объекту вербальной «интервенции».

В начале градационной шкалы располагается **запугивание**, которое не транслирует явной агрессии продуцента, но завуалированно сообщает собеседнику о таящейся опасности, чтобы нагнать на него страх. Ср.:

“<...>*I carry arms which go off easily – they have done so, before now – and make it dangerous for strangers who don't know the trick of them, to lay hands upon me.*” / <...> ‘У меня оружие, которое быстро выстреливает – так уже было, раньше – оно опасно для незнакомцев, которые этого не знают и поднимают на меня руку’ [4, p. 231].

Запугивание, в силу присущей ему имплицитности, позволяет продуценту высказывания оставаться безнаказанным за попытку чрезмерного воздействия на мировоззрение слушающего. Говорящий остается в стороне и якобы предоставляет собеседнику возможность выбрать самому способ действия, который в конечном итоге оказывается выгодным для агенса, нанося при этом вред интересам пациента.

Следующим по интенсивности воздействия на шкале располагается **предупреждение** – сообщение, предостерегающее получателя о грядущем возмездии за некорректное поведение. Предупреждение, в отличие от пре-

дыдущей разновидности угрозы, может вербализовываться в эксплицитной форме, возможно также перформативное употребление глагола (*I warn you* 'Я предупреждаю вас'). Ср.:

“<...> ***It is dangerous, sir, believe me, to tamper thus with earnest human passions, out of your own mere idleness, and for your sport. I will endure it no longer! Take care that it does not happen again! I warn you!***” / ‘<...> Сэр, это опасно, поверьте мне, мешать настоящим человеческим переживаниям просто от скуки. Позаботьтесь, чтобы этого больше не случилось снова! Я вас предупреждаю!’ [5, p. 231].

Подчинение адресата в примере происходит с помощью приведения в действие персуазивной стратегии. Ее основу составляет предупреждение, актуализирующееся в перформативном использовании глагола *warn*, и вспомогательное высказывание с семантическим признаком «плохо» для субъекта пользы. Речевой акт «обещание» с вектором, направленным в будущее, служит реализации той же коммуникативной интенции – поставить слушающего в зависимость, заставить его действовать согласно установкам говорящего.

Шантаж является самым интенсивным по степени воздействия способом запугивания. Получение преимущества посредством этой вербальной стратегии осуществляется за счет оказания интенсивного давления на реципиента сообщения. Говорящий идет на крайние меры ради достижения заветной цели – угроза разглашения позорящих, компрометирующих сведений, действительных или ложных, вымогательство, преследование, терроризирование и т.п. Ср.:

“***If you do, I'll kill you!***” said Cassy, drawing a small, glittering stiletto, and flashing it before the eyes of the girl. / ‘«Если ты сделаешь это, я убью тебя!» – сказал Касси, вытаскивая маленький сверкающий кинжал и пронося его перед глазами девушки’ [6, p. 241].

Экстралингвистические факторы часто являются не единственным вспомогательным средством подчинения оппонента. Угрозы нередко сопровождаются и другими проявлениями агрессии и враждебности, например, ругательствами и оскорблениями. Их продуцирование связано с возможностью выплеснуть накопившиеся негативные переживания – досаду, гнев, разочарование и др.

Таким образом, анализ примеров показывает, что дискурсивная стратегия «угроза» приводится в действие за счет запугивания, вербализованного намерения нанести физический вред или ущерб интересам реципиента. Это дает возможность определить ее как «метод обратной стимуляции» и установить связь с санкциями и наказанием за совершенный проступок.

Языковые способы реализации близки к речевому акту обещания за исключением отсутствия перформативного употребления глаголов с семантикой «угрожать» (*threaten, menace, bully, intimidate*). В большинстве случаев актуализация запугивания происходит утверждением будущего действия с отрицательными последствиями для субъекта пользы. Были выявлены также образные формулы угрозы, относящиеся к косвенным речевым актам

в неиндикативной форме или обозначающие гипотетические действия над объектом. Присутствие в высказывании лексики с пейоративной дескрипцией не только интенсифицирует общее дерогативное значение, но и служит маркером отрицательного признака оппонента.

Неоднородность способов вербализации рассматриваемого коммуникативного акта и сфер его функционирования позволяет выделить разновидности угрозы, градуирующиеся в сторону увеличения эксплицитности ее проявления: запугивание, предупреждение, шантаж.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блакар, Р.* Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального воздействия. – М., 1987. – С. 88 – 125.
2. *Белютина, Ю. А.* Английская невежливая речь: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. А. Белютина. – М., 2007. – 202 л.
3. *Radcliff, A.* The Italian, or The Confessional of the Black Penitents / A. Radcliff // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.
4. *Dickens, Ch.* Barnaby Rudge / Ch. Dickens // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.
5. *Hawthorne, N.* The Blithedale Romance / N. Hawthorne // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.
6. *Stowe, H. B.* Uncle Tom's Cabin / H. B. Stowe // [Electronic resource] : Digitale Bibliothek. Band 59: English and American Literature. – Berlin : Directmedia Publishing GmbH, 2004. – CD-ROM.

О. И. Быкова (Воронеж, Россия)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНЕ Г. ГРАССА «GRIMMS WÖRTER. EINE LIEBESERKLÄRUNG»

При выделении смыслообразующих концептов, номинируемых лексико-семантическими группами (ЛСГ), в романе нами выявлены гиперконцепты. Они «пронизывают» все произведение, являются наиболее значимыми, охватывают и объединяют между собой все остальные концепты. В качестве гиперконцептов можно выделить концепт *Ich, я*, и концепт *Zeit, время*. Гиперконцепт *я* находит свое выражение в том, что на протяжении всего романа автор высказывает свое мнение по тому или иному вопросу, дает собственную оценку тем или иным событиям, критикует, осуждает и одобряет различные явления в общественной среде. Он постоянно противопоставляет настоящее время прошлому. Мы солидарны с мнением П. Ф. Иванова